

ЧЕРНОМОРСКИЙ ФЛОТ В ПЕРИОД КРЫМСКОЙ ВОЙНЫ

Малоизвестные вопросы организации флота

Литература, посвященная Крымской войне и участию в ней русского флота, весьма обширна. Однако ряд связанных с этой темой вопросов освещен явно недостаточно. Так, не составляет особого труда найти подробные сведения о корабельном составе русского флота. Зато о его организационно-штатной структуре известно очень мало. Даже назначение ряда формирований не всегда понятно нашим современникам.

В организационном отношении российский флот с петровских времен делился на три эскадры: синего флага (авангард), белого флага (кордебаталию) и красного флага (арьергард). Каждая эскадра, как это предусматривалось Уставом морским 1720 г., в свою очередь, подразделялась на три дивизии. Реально флот в полном составе в море выходил крайне редко, поэтому боевой порядок, исходя из наличного числа кораблей в строю, подразделялся, как правило, на три основные части без дальнейшего их членения. В соответствии с павловским Уставом военного флота 1797 г., эскадры были переименованы в дивизии, а дивизии – в эскадры, но сам принцип организационно-штатного деления флота при этом, однако, остался неизменным. При этом штатами 1798 г. на Балтике предусматривалось иметь три дивизии, на Черном море – одну дивизию. С 1804 г. дивизии стали подразделяться не на эскадры, а на бригады. Позднее в составе Черноморского флота была сформирована вторая дивизия.

В 1810 г. последовало переформирование судовых команд. Входивших ранее в их состав морских солдат отчислили в армию, а их обязанности возложили на матросов. Началось принесшее больше вре-

да, чем пользы, «осолдатчивание» моряков: матросы получили близкую к солдатской строевую форму, ружья и амуницию, их стали усиленно учить «фрунту». Последовали и организационно-штатные изменения. Команды судов (автор придерживается терминологии XVIII-XIX вв., в соответствии с которой кораблями назывались лишь линейные корабли) были сведены в экипажи четырехротного состава. Учитывая, что на Балтике, например, флот плавал (находился в кампании) не более полугода, это было удобно для строевого и хозяйственного управления личным составом на берегу. Но вместе с тем к собственно морской службе такая организационная структура, по сути дела, не имела отношения. Служба на судах превращалась во временные командировки. Такому положению способствовало и то, что если ранее суда, вернувшиеся из плавания, оставались на период между кампаниями в ведении своих командиров, то с этого времени они стали передаваться капитану над портом. Организационная структура с заложенной в ней подобной идеологией службы неизбежно сказывалась и на формировании своеобразной сухопутной психологии многих моряков. Не случайно, борясь с этим злом, главный командир Черноморского флота и портов Черного моря истинный моряк адмирал М. П. Лазарев всеми средствами старался продлить сроки кампаний. Черноморцы плавали и в зимних условиях. Прозвучавший намного позднее рассматриваемого нами периода известный афоризм адмирала С. О. Макарова: «В море – значит дома» был не только призывом, но и по сути дела протестом против такой психологии, воспитывавшейся созданной в начале XIX в. организацией флота.

Первоначально, как уже говорилось, строевой личный состав флота был сведен в четырехротные экипажи численностью около 400 человек. При этом отдельно были созданы корабельные и гребные экипажи. Намечалось иметь на Балтике 52 корабельных и 8 гребных экипажей, а на Черном море – 31 корабельный и 4 гребных экипажа. Фактически из-за некомплекта людей намеченного количества сформировать не удалось. Кроме корабельных и гребных, были сформированы ластовые и рабочие экипажи. Такая организация, однако, просуществовала недолго. В 1816 г. экипажи подверглись укрупнению при общем сокращении их числа. Деление экипажей на корабельные и гребные упразднили, все они стали именоваться флотскими экипажами.

В результате всех этих преобразований перед началом Крымской войны Российский императорский флот в строевом отношении подразделялся на пять флотских дивизий. Три из них входили в состав Балтийского флота, а две – в состав Черноморского. Каждая дивизия состояла из трех бригад, каждая бригада – из трех флотских экипажей. Исключение составляла 3-я бригада 5-й флотской дивизии на Черном море: в ее состав входили два экипажа. Нумерация дивизий и экипажей была сплошная, нумерация бригад – отдельная в каждой дивизии.

Таким образом, 1 – 3-я флотские дивизии (1 – 27-й флотские экипажи) находились на Балтике, 4-я и 5-я флотские дивизии (28 – 44-й флотские экипажи) – на Черном море. Не входившие в состав дивизий 45-й и 46-й флотские экипажи находились на Каспийском море и на Тихом океане, составляя основу Каспийской и Охотской военных флотилий. Кроме того, в Петербурге находился

И.К. Айвазовский. Севастопольский рейд. 1852 г.

И.К. Айвазовский. Вход в Севастопольскую бухту. 1850–е гг.

сформированный в 1810 г. из команды придворных гребцов Гвардейский флотский экипаж, также не входивший в состав флотских дивизий.

Строевое и хозяйственное деление флота на дивизии, бригады и экипажи, как уже говорилось ранее и будет подробнее показано в дальнейшем, не совпадало с делением его на эскадры и отряды, которые создавались как временные тактические формирования неопределенного состава. Количество входивших в них кораблей и судов зависело от поставленных задач, от состояния материальной части и других факторов.

Штатный строевой состав флотского экипажа в интересующий нас период был следующим: капитан 1 ранга, капитан 2 ранга, четыре капитан-лейтенанта, 12 лейтенантов, 12 мичманов (всего 30 офицеров); 80 унтер-офицеров, 25 музыкантов, 1000 рядовых (всего 1105 строевых нижних чинов). Помимо того, в состав каждого экипажа входило более 100 нестроевых: четыре лекаря, два комиссара, четыре фельдшера, два баталера, три унтер-баталера, 67 денщиков и другие чины. Экипаж подразделялся на четыре роты. Каждая рота по штату должна была состоять из капитан-лейтенанта, трех лейтенантов, трех мичманов, 20 унтер-офицеров, шести музыкантов, 250 рядовых. Таким образом, всего в составе флотского экипажа предусматривалось иметь приблизительно 1250 человек.

Перед началом кампании производилась роспись чинов экипажей по судам. В состав каждого экипажа, за редким исключением, должен был входить линейный корабль, которым командовал командир экипажа, и несколько судов меньшего ранга. На 110-пушечный корабль полагалось 3 роты, на 84-пушечный – 2,5 роты, на корвет – 5/8 роты. Фактическая численность личного состава на кораблях и судах несколько отличалась от приведенных цифр, в частности, за счет прикомандированных чинов рабочих экипажей. В этом несоответствии строевого и тактического деления, несмотря на предписание сохранять состав судовых команд по возможности неизменным, заключался крупный недостаток. Скажем, капитан-лейтенант, ротный командир в экипаже, назначенный весной командовать корветом, до осени терял из виду почти половину своих подчиненных, а те, в свою очередь, даже если и имели в плавании ближайшим начальником «своего» мичмана, далее по системе подчиненности оказывались под командой офицеров, мало их знавших. Не этим ли отчасти объяснялись постоянные требования адмирала П.С. Нахимова к офицерам лучше знать своих подчиненных?

Таким было расписание Черноморского флота к лету 1853 г. Но в том же году в составе Балтийского флота сформировали новый, 28-й флотский экипаж. Одновременно 28-й, экипаж Черноморского флота переименовали в 45-й и из 1-й бригады 4-й флотской дивизии передали в состав 3-й бригады 5-й дивизии. Флотские экипажи Каспийской и Охотской военных флотилий при этом получили номера 46 и 47. Позднее, в феврале 1854 г., линейный корабль «Гавриил» был передан из 39-го в 37-й флот-

РОСПИСЬ КОРАБЛЕЙ И СУДОВ ЧЕРНОМОРСКОГО ФЛОТА ПО ДИВИЗИЯМ, БРИГАДАМ И ЭКИПАЖАМ ПО СОСТОЯНИЮ НА 10 (22) ИЮНЯ 1853 Г.

4-я флотская дивизия

(контр-адмирал Ф.М. Новосильский)

1-я бригада

(контр-адмирал А.И. Панфилов)

28-й флотский экипаж (капитан 1 ранга С.Г. Алексеев 1-й)

линейный корабль «Варна» (84-пушечный), фрегат «Мидия» (60-пушечный), пароход «Могучий», пароход «Аргонавт» (причислен к штурманскому полужипажу), транспорт «Ахерман», транспорт «Кирия», транспорт «Портица»

29-й флотский экипаж (капитан 1 ранга А.А. Зорин)

линейный корабль «Селафаил» (84-пушечный), корвет «Пилад» (20-пушечный), тендер «Поспешный» (10-пушечный), пароходофрегат «Крым» (4-пушечный), транспорт «Рион», транспорт «Цемес»

30-й флотский экипаж (капитан 1 ранга П.И. Кислинский 1-й)

линейный корабль «Ягудиил» (84-пушечный), фрегат «Кагул» (44-пушечный), шхуна «Гонец», пароход «Еникале», пароход «Колхида», транспорт «Прут»

2-я бригада

(контр-адмирал Н.М. Вукотич 2-й)

31-й флотский экипаж (капитан 1 ранга Ф.Д. Бартенев 1-й)

линейный корабль «Храбрый» (84-пушечный), бриг «Фемистокл» (16-пушечный), бриг «Тезей» (18-пушечный), яхта «Стрела» (6-пушечная), пароход «Таганрог», транспорт «Дунай», транспорт «Бережань»

32-й флотский экипаж (капитан 1 ранга К.С. Бутров 1-й)

линейный корабль «Три Святителя» (120-пушечный), бриг «Меркурий» (18-пушечный), яхта «Орианда» (10-пушечная), пароход «Тамань»

33-й флотский экипаж (капитан 2 ранга В.М. Микрюков 1-й)

линейный корабль «Чесма» 84-пушечный, корвет «Ариадна» (20-пушечный), бриг «Эндимион» (12-пушечный), бриг «Ахиллес» (10-пушечный), тендер «Проворный» (10-пушечный), пароход «Боец», транспорт «Соча»

3-я бригада

(контр-адмирал А.Р. Цебриков 1-й)

34-й флотский экипаж (капитан 1 ранга А.Д. Варницкий)

линейный корабль «Уриил» (84-пушечный), корвет «Андромаха» (18-пушечный), бриг «Язон» (12-пушечный), пароход «Эльборус», транспорт «Днепр», транспорт «Лиман»

35-й флотский экипаж (капитан 1 ранга В.И. Истомин 2-й)

линейный корабль «Париж» (120-пушечный), винтовой корвет «Воин» (в постройке), шхуна «Ласточка» (16-пушечная), пароход «Дарго», транспорт «Кинбурн»

36-й флотский экипаж (капитан 1 ранга А.Д. Кузнецов 1-й)

линейный корабль «Ростислав» (84-пушечный), фрегат «Сизополь» (54-пушечный), шхуна «Опыт» (16-пушечная), пароход «Петр Великий», транспорт «Субаши», транспорт «Ренни»

Кроме того, были выведены из боевого состава, но еще продолжали числиться в списках Черноморского флота линейные корабли «Силистрия» и «Султан Махмуд», использовавшиеся в качестве блокшивов, а также фрегат «Агатовполь».

В Николаеве в это время заканчивалась подготовка к закладке 135-пушечного винтового линейного корабля «Цесаревич». Он, однако, еще не был приписан к какому-либо экипажу. В дальнейшем предполагалось, наряду со строительством новых, переоборудовать в винтовые некоторые парусные корабли во время прохождения капитального ремонта, первым предполагалось переоборудовать «Трех Иерархов».

Перечисленные в списке пароходы «Эльборус», «Могучий», «Молодец», «Боец», «Колхида» и транспорты «Цемес», «Лаба», «Мамай», «Кодос», «Субаши», «Гостогай», «Бзыбь» и «Доб» подчинялись Кавказскому корпусу.

В состав Черноморского флота также входили две шхуны, два тендера, шесть пароходов, три буксира, транспорт и шесть лоц-судов, приписанных к 4-му и 5-му ластовым экипажам. Кроме того, между Одессой и Абхазией плавали два парохода, пять парбходов принадлежали гражданскому ведомству, один – Войску Донскому и один – Инженерному ведомству.

5-я флотская дивизия

(вице-адмирал П.С. Нахимов)

1-я бригада

(контр-адмирал П.М. Юхарин 1-й)

37-й флотский экипаж (капитан 1 ранга К.А. Леонтьев)

линейный корабль «Святослав» (84-пушечный), корвет «Орест» (18-пушечный), бриг «Неарк» (12-пушечный), тендер «Легкий» (12-пушечный), пароход «Молодец», транспорт «Гагра», транспорт «Кишинев»

38-й флотский экипаж (капитан 2 ранга А.Х. Винк)

линейный корабль «Двенадцать Апостолов» (120-пушечный), пароходофрегат «Владимир» (9-пушечный), шхуна «Забияка» (16-пушечная), транспорт «Ялта», транспорт «Арагва»

39-й флотский экипаж (капитан 1 ранга Н.Ф. Юрковский)

линейный корабль «Гавриил» (84-пушечный), бриг «Орфей» (16-пушечный), шхуна «Дротик» (16-пушечная), пароходофрегат «Громоносец» (6-пушечный), транспорт «Кубань», транспорт «Лаба», транспорт «Феодосия»

2-я бригада

(контр-адмирал П.А. Сеницын)

40-й флотский экипаж (капитан 1 ранга П.И. Барановский)

линейный корабль «Императрица Мария» (84-пушечный, заканчивалась достройка), фрегат «Месемврия» (60-пушечный), пароход «Бердянск», транспорт «Днепр», транспорт «Мамай»

41-й флотский экипаж (капитан 1 ранга Л.А. Ергомышев 1-й)

линейный корабль «Великий князь Константин» (120-пушечный), винтовой корвет «Витязь» (в постройке), бриг «Аргонавт» (12-пушечный), шхуна «Смелая» (16-пушечная), пароходофрегат «Бессарабия» (6-пушечный)

42-й флотский экипаж (капитан 1 ранга В.И. Барановский)

линейный корабль «Трех Иерархов» (84-пушечный), корвет «Калипсо» (18-пушечный), бриг «Птоломей» (18-пушечный), бриг «Эней» (16-пушечный), пароход «Грозный», пароход «Андия», транспорт «Сухум-Кале», транспорт «Доб»

3-я бригада

(контр-адмирал Н.П. Вульф 1-й)

43-й флотский экипаж (капитан 2 ранга И.А. Ендогуров)

винтовой линейный корабль «Босфор» (120-пушечный, в постройке), фрегат «Флора» (44-пушечный), бриг «Персей» (16-пушечный), тендер «Скорый» (12-пушечный), пароходофрегат «Одесса» (4-пушечный), транспорт «Ингул», транспорт «Буг», транспорт «Кодос»

44-й флотский экипаж (капитан 2 ранга И.Х. Бернард-де-Граве, временно – капитан-лейтенант С.С. Лесовский)

фрегат «Кулевчи» (60-пушечный), фрегат «Коварна» (52-пушечный), тендер «Нырок» (10-пушечный), пароходофрегат «Херсонес» (4-пушечный), транспорт «Балаклава», транспорт «Бзыбь», транспорт «Гостогай»

И.К. Айвазовский. Черноморский флот в Феодосии

ский экипаж, а, соответственно, «Свято-слав» – из 37-го в 39-й.

Возвращаясь к сказанному ранее о несоответствии строевого и тактического деления флота, еще раз отметим, что, конечно, ни одной боевой задачи экипажи в таком составе решать не могли. Деление на бригады и дивизии при выходе в море также не соблюдалось. Обратившись к статье П. Кириллова, опубликованной в журнале ранее («Флотомастер», 1998, № 1-2), читатель увидит, что в крейсерство, завершившееся в конце концов Синопским сражением, П.С. Нахимов вышел, имея под командованием отряд, в котором из четырех линейных кораблей к его, 5-й, флотской дивизии принадлежал только флагман – недавно вступившая в строй «Императрица Мария». В самом же сражении участвовали по два корабля из состава 2-й бригады 5-й дивизии, 2-й и 3-й бригад 4-й дивизии, причем в колонне, которую вел сам Нахимов, концевой корабль, «Чесма», числился в 4-й дивизии.

На первый взгляд, сказанное может поставить под сомнение актуальность избранной автором темы. Однако для правильного понимания эпохи и документов того времени, в которых постоянно упоминаются экипажи, бригады и дивизии, эти знания лишними не будут.

Продолжим, однако, рассказ о штатном расписании Черноморского флота. Помимо флотских экипажей, в его состав входили ластовые экипажи, обслуживавшие портовые суда, и рабочие экипажи, предназначавшиеся преимущественно для работы на верфях. Кроме того, на период кампаний из состава рабочих экипажей на суда флота командировались плотники, конопатчики, парусники. К лету 1854 г., т. е. уже после начала войны, но еще до высадки союзников в Крыму, в составе Черноморского флота было два ластовых и восемь рабочих экипажей.

К числу других береговых подразделений флота относились роты: военно-рабочие, предназначавшиеся для ведения строительных работ на берегу, портовые, обслуживавшие военные порты, доковые (в их ведении находился законченный в 1850 г. уникальный комплекс севастопольских доков) и арестантские, выполнявшие наиболее тяжелые работы.

Необходимо сказать также об арсенальных и лабораторных ротах. Они относились к созданному в 1734 г. корпусу морской артиллерии. В то время морские

артиллеристы по численности на флоте занимали третье место после судовых команд и батальонов морских солдат. В 1831 г. морская артиллерия была сведена в шесть бригад восьмидесятичного состава. Однако в 1846 г. бригады расформировали, а нижних чинов из них перевели во флотские экипажи. Офицеры корпуса морской артиллерии в состав экипажей не входили, их расписывали по кораблям перед началом кампаний. При этом главной их задачей являлось не использование артиллерии (этим занимались строевые офицеры флотских экипажей), а содержание ее материальной части. Рядовые, остававшиеся в корпусе морской артиллерии, были распределены по арсенальным и лабораторным ротам. Арсенальные роты предназначались для содержания арсеналов, ремонта находившихся там орудий. Лабораторные роты занимались снаряжением бомб, гранат, брандсбугелей и т.д.

Помимо корпуса морской артиллерии, в XIX в. был создан и ряд других корпусов флотских специалистов, чины которых и ранее, до учреждения корпусов, не входили в строевой состав флота и имели особый порядок прохождения службы. В частности, им присваивались специальные или военно-сухопутные звания с указанием принадлежности к корпусу (подпоручик корпуса флотских штурманов, капитан корпуса корабельных инженеров и т. д.). В отличие от строевых офицеров, заканчивавших Морской кадетский корпус, в который принимались исключительно дворяне, офицеры-специалисты в большинстве своем были разночинцами, являясь «черной костью» флота. В середине XIX в., в период быстрого развития буржуазных отношений, в верхах общества по-прежнему господствовало убеждение, что командовать людьми должен, может и единственно достоин дворянин, а должности, на которых требуется не столько распоряжаться и командовать, сколько самому практически применять имеющиеся знания, для дворянина не очень подходят. Их великодушно уступали выбившимся «в люди» долголетней службой или путем получения образования выходцам из непривилегированных сословий. Знания и опыт давали им право на чин (как правило, невысокий), скромный мундир с серебряным шитьем, или без него (у офицеров флотских экипажей шитье – золотое) и титулование «благородием». Но настоящие

«благородия» в большинстве своем предпочитали держать с ними порой малозаметную, но очень четкую дистанцию.

К числу корпусов флотских специалистов относился созданный в 1827 г. корпус флотских штурманов, подготовка которых производилась в двух штурманских ротах – в Кронштадте и в Николаеве. Корпус подчинялся генерал-гидрографу. Как и морские артиллеристы, чины корпуса в состав флотских экипажей не входили и расписывались по кораблям лишь на период кампаний.

Кораблестроителей в 1826 г. объединили в корпус корабельных инженеров. Специалистов для него готовили в кондукторских ротах учебных морских экипажей. Корпус подчинялся Кораблестроительному департаменту, входившему в состав Управления генерал-интенданта.

В 1838 г. был создан корпус инженеров строительной части флота. На его чинов возлагалось строительство портовых и других береговых объектов флота. Корпус находился в ведении Строительного комитета по морской части и комплектовался офицерами, окончившими Главное инженерное училище (в 1855 г. преобразовано в Николаевскую инженерную академию).

В связи с началом развития парового флота остро встал вопрос о создании кадров судовых механиков и машинистов, но он долгое время не находил удовлетворительного решения. Проблему не решали ни посылка некоторого числа офицеров на стажировку за границу, ни прием на службу иностранцев по вольному найму. Последняя мера представляла прямую опасность для боеготовности флота, на что еще в 1847 г. В.А. Корнилов указывал в своем рапорте адмиралу М.П. Лазареву: в случае разрыва с Англией паровые суда рисковали оказаться на приколе из-за потери механиков и машинистов. Даже в самый канун войны с Англией, в начале 1854 г., на некоторых военных пароходах механиками плавали вольнонаемные англичане. Лишь в 1854 г., наряду с другими корпусами флотских специалистов, был, наконец, создан корпус инженер-механиков. Специалистов для него, как и для корпуса корабельных инженеров, готовили в кондукторских ротах учебных морских экипажей. Постоянного же органа управления службой инженер-механиков в составе Морского министерства в тот период так и не создали. На Балтике существовал лишь учрежденный в 1842 г. Комитет о построении военных пароходов. Должность главного инженер-механика флота появилась лишь в 1860 г.

По данным известного военного историка А.М. Зайончковского, штатная численность личного состава российского флота к началу Крымской войны равнялась 90.000 человек, списочная численность в 1853 г. составляла 90.985 человек: на Балтийском флоте – 2275 офицеров и 50.571 нижний чин, на Черноморском флоте – 1472 офицера и 36.667 нижних чинов. В «Памятной книжке морского ведомства на 1853 г.» приводятся несколько иные данные по рядовому составу – 50.628 человек на Балтийском и 35.670 на

Черноморском флоте. Эти данные, однако, являются вполне сопоставимыми, различия могут зависеть от месячных колебаний численности (смертность в госпиталях, увольнения в отставку и т. д.).

Необходимо сказать несколько слов об управлении флотом. П. Кириллов абсолютно прав, говоря в упомянутой выше статье о ненормальности положения, когда накануне войны во главе Черноморского флота оказался абсолютно не подготовленный к этому человек, к его чести понимавший свою некомпетентность, призванный из отставки 75-летний старик, вице-адмирал М. Б. Берх. К тому же он был назначен не главным командиром, а исполняющим должность главного командира Черноморского флота и портов, что свидетельствовало о временности его назначения. Но со времени кончины адмирала М. П. Лазарева до начала Крымской войны прошло уже более двух лет! Как долго могла существовать эта временная мера? Фактически Черноморским флотом командовал талантливый и энергичный начальник штаба флота вице-адмирал В. А. Корнилов. Но его положение оказалось незавидным. Не говоря уже об ущемленном честолюбии адмирала, он не мог не понимать, что фактически постоянно превышает свои служебные полномочия и это не могло не угнетать его.

Казалось бы, ситуация с руководством Черноморским флотом в условиях быстрого нарастания военной угрозы запуталась уже достаточно. Но нет. К лету 1853 г. командующим сухопутными и морскими силами в Крыму был назначен энергичный, но малокомпетентный и к тому же не терпевший инициативы подчиненных адмирал А. С. Меншиков, сохранивший за собой и пост начальника Главного морского штаба. И над всей этой конструкцией возвышалась фигура императора, начавшего в последний момент перед войной менять предварительные планы и исхитрившегося сочетать меры, которые явно говорили о намерении России начать войну с выжидательной тактикой! Необдуманно сказав «А», он никак не решался произнести «Б» и другие буквы алфавита.

Тут стоит сделать некоторое отступление от темы статьи. В николаевскую эпоху существовала во многом порочная система управления флотом в целом. Еще в 1828 г. генерал-майор А. С. Меншиков, добившийся расположения императора, провел свой проект реформы органов управления морским ведомством. Административная, строевая и научная часть (Управление дежурного генерала с подчиненными ему Инспекторским и Аудиторским департаментами, Управление генерал-гидрографа и Ученый комитет) объединили в составе Морского штаба его императорского величества, начальником которого был назначен произведенный в контр-адмиралы автор проекта. Адмиралтейств-совет (совещательный орган при министре), Управление генерал-интенданта, которому подчинялись Кораблестроительный, Комиссариатский и Адмиралтейский департаменты, а также

Управление генерал-штаб-доктора и Департамент корабельных лесов вошли в состав Морского министерства. Властолюбивый и амбициозный Меншиков фактически подмял под себя морского министра вице-адмирала А. В. фон Моллера, поскольку право доклада императору по делам морского ведомства получил именно он, а не министр.

В 1836 г. Главный морской штаб, как с 1831 г. стал называться Морской штаб его величества, и Морское министерство объединились в единое Морское министерство, которое возглавил все тот же Меншиков, ставший уже адмиралом. Он получил права министра, но по-прежнему именовался начальником Главного морского штаба. Но начальник любого штаба по самой сути своей должности – организатор исполнения замыслов более высокого начальника. Кто же был таковым для русского флота? Ответ напрашивается – державный вождь... И в этом смысле первоначальное название, Морской штаб его величества, более точно выражало изначальную идею. Николаю I не давали покоя лавры его предка, Петра Великого, он хотел во всем на него походить. Любимым детищем Петра был флот – Николай также его любил, но, в отличие от прапрадеда, оставался во флотских делах дилетантом. Тем не менее, не осознавая этого, он хотел не только осуществлять верховное руководство, но и заниматься подробностями повседневной деятельности флота. Меншиков, ловкий царедворец, чутко уловил такое настроение монарха и, с целью упрочить свое положение, подыгрывал ему. Многие дела по собственному произволу, он умел создать впечатление, что лишь исполняет державную волю. Но и сам он морского образования не имел и начальных ступеней флотской службы не прошел. При этом ему были свойственны, как уже говорилось, нетерпимость к инициативе подчиненных, советы компетентных людей воспринимались им с трудом. Не случайно в ходе реформы органов управления флотом в 1836 г. Адмиралтейств-совет из совещательного органа при министре превратился в некую надстройку над Управлением гене-

рал-интенданта. Таким образом, судьбы флота на протяжении более четверти века определяли два дилетанта.

Конечно, на состоянии русского флота в канун Крымской войны, как это неоднократно подчеркивалось в литературе, самым негативным образом отразилась общая экономическая отсталость России (главная причина!). Но все же при правильном понимании флотских проблем монархом и руководителем морского ведомства многое можно было бы сделать.

Перейдем теперь к другому малоизвестному вопросу – дислокации частей Черноморского флота накануне высадки союзников в Крыму. К лету 1854 г. она оказалась следующей:

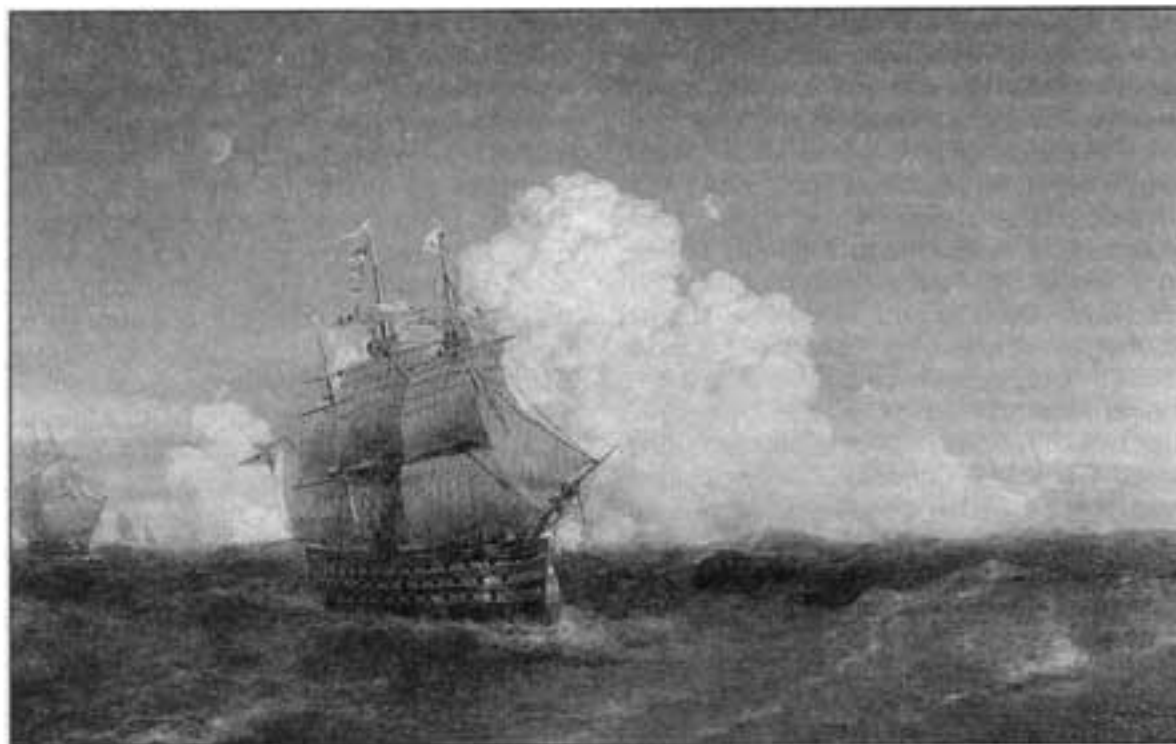
Севастополь – 29-39-й флотские экипажи, 40-й и 41-й флотские экипажи (оба частично), 42-й флотский экипаж, 43-й флотский экипаж (частично), 44-й и 45-й флотские экипажи, 4-й ластовый экипаж (частично), 16-19-й рабочие экипажи, портовые роты № 28-30, № 31 (частично), № 32, лабораторная рота № 2 (частично), арсенальная рота № 7, госпитальная рота, Севастопольская инженерная команда, военно-рабочие роты № 8 и 10, доковые роты № 27-30, арестантские роты № 19-26;

Николаев – школа флотских юнкеров, 2-й учебный морской экипаж, Черноморская штурманская рота, Николаевское флотское училище, 40, 41, 43-й флотские экипажи (все частично), 4-й и 5-й ластовые экипажи (оба частично), 10-й рабочий экипаж (частично), 11-14-й рабочие экипажи, 15-й рабочий экипаж (частично), Николаевский госпиталь, госпитальная рота, лабораторная рота № 2, арсенальная рота № 6, портовые роты № 22-27, военно-рабочие роты № 7, 9, арестантские роты № 11-18;

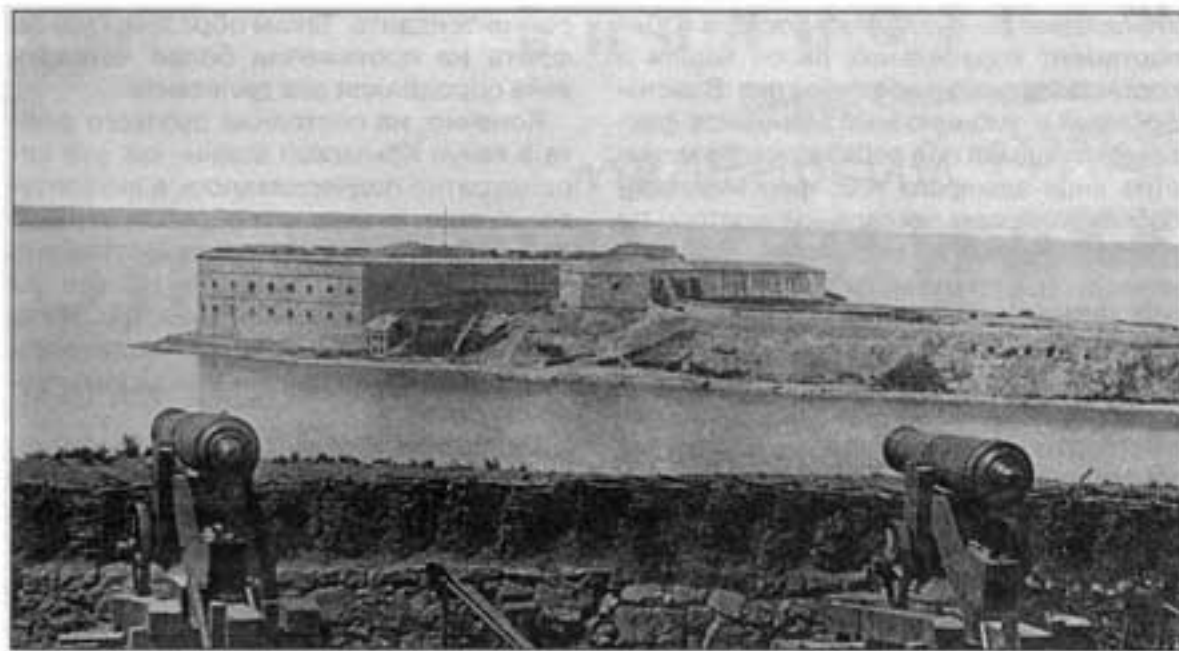
Измаил – 5-й ластовый экипаж (частично), 15-й рабочий экипаж (частично), портовая рота № 33, военно-рабочая рота № 9 (частично), Измаильская инженерная команда;

Таганрог и Ростов – портовая рота № 31 (частично);

Керчь – портовая рота № 34 (частично); Новороссийск – портовая рота № 34 (частично).

И. К. Айвазовский.
Корабль «Двенадцать Апостолов»

Укрепления Севастополя:
Константиновская и Нахимовская батареи
на Северной стороне

Об активном участии моряков в героической обороне Севастополя написано очень много. Имена адмиралов П.С. Нахимова, В.А. Корнилова, В.И. Истомина, лейтенанта Н.А. Бирилева, матроса (точнее – квартирмейстера) П.М. Кошки известны даже людям, не проявляющим интереса к истории. Трудно найти человека, который бы не знал о затопленных кораблях, о тяжелых корабельных орудиях, установленных на севастопольских укреплениях. Но организационная сторона участия моряков в сухопутной обороне города известна значительно хуже.

Как уже говорилось в начале статьи, в 1810 г. подразделения морских солдат, входившие в состав флота с петровских времен, передали армии. Стрелковые и abordажные партии с этого времени в случае необходимости формировались из матросов. На кораблях на случай десанта хранилось по одному-два легких орудия на армейских станках (чаще всего – горные единороги).

Весной 1854 г., после того, как 15-16 (27-28) марта Англия и Франция объявили войну России, вопрос о необходимости иметь на флоте достаточно сильные подразделения, способные действовать на берегу, встал весьма остро. В это время из стрелковых партий кораблей сформировали два нештатных десантных батальона, по шесть взводов в каждом. Численность взвода устанавливалась в 48 человек. Линейные корабли «Селафаил», «Ягудиил», «Храбрый», «Три Святителя», «Чесма» и «Париж» выделили по взводу для 1-го десантного батальона, 2-й десантный батальон комплектовался личным составом кораблей «Ростислав», «Двенадцать Апостолов», «Святослав», «Императрица Мария», «Великий князь Константин» и «Варна». Батальонам были приданы десять горных единорогов, снятых с кораблей. В июле 1854 г. последовало создание 3-го и 4-го десантных батальонов из десантных партий кораблей (вначале они именовались 1-м и 2-м резервными батальонами). 3-й батальон формировался на кораблях 4-й флотской дивизии и состоял из восьми взводов, 4-й батальон (шесть взводов) – на кораблях 5-й дивизии. Артиллерию, приданную этим батальонам, усилили до 16 орудий за счет горных единорогов, хранившихся в арсенале. Из них были сформированы две бата-

реи, каждая из которых состояла из двух дивизионов, которые, в свою очередь, насчитывали по два взвода.

2 (14) сентября, т.е. сразу после получения известия о начале высадки союзников в Крыму, моряками укомплектовали еще четыре батальона. Из них три назывались флотскими: 34-й – из команд линейного корабля «Уриил» и фрегата «Флора», 36-й – линейного корабля «Ростислав» и фрегата «Сизополь», 37-й – линейного корабля «Гавриил» и фрегата «Кагул». Номера батальоны получили в соответствии с экипажами, к которым были приписаны корабли. Помимо того, из команды корвета «Калипсо» и прибывшей из Николаева рекрутской партии сформировали 1-й рекрутский батальон. На кораблях оставался лишь личный состав, необходимый для борьбы с огнем в случае возникновения пожаров. Возможность последних не исключалась ввиду угрозы бомбардировки Севастополя союзным флотом.

8 (20) сентября 1854 г. произошло сражение на р.Альма, после которого русская армия отошла к Севастополю. Положение главной базы Черноморского флота, совершенно недостаточно защищенной со стороны суши, стало трагичным: слабое Северное укрепление, несколько недостроенных бастионов на Южной стороне, кое-где соединенных оборонительной стенкой, – вот, практически, и все...

Превосходство союзников на море представлялось столь значительным, что, несмотря на наличие мощных приморских фортов, не исключалась попытка прорыва флота противника в Севастопольскую бухту. Чтобы воспрепятствовать этому, по приказанию А.С. Меншикова в ночь на 11 (23) сентября у входа в Северную бухту между Константиновской и Александровской батареями были затоплены линейные корабли «Уриил», «Три Святителя», «Селафаил», «Силистрия», «Варна», фрегаты «Сизополь» и «Флора». Из команд этих кораблей, разобранного на дрова несколько ранее корабля «Трех Иерархов», а также фрегатов «Кулевчи» и «Коварна» создали 29, 32, 34, 42, 44-й и 45-й флотские батальоны. Принцип их нумерации остался тот же, что и раньше. Кроме того, из личного состава затопленных фрегатов «Сизополь» и «Флора», входивших в

36-й и 43-й флотские экипажи, сформировали Сизопольско-Флорский батальон. Еще пять морских батальонов укомплектовывались матросами и офицерами десяти оставшихся линейных кораблей: 1-й – из команд кораблей «Ягудиил» и «Храбрый», 2-й – «Чесма» и «Ростислав», 3-й – «Париж» и «Гавриил», 4-й – «Двенадцать Апостолов» и «Святослав» и 5-й – «Императрица Мария» и «Великий князь Константин». При этом просуществовавшие полторы недели 34, 36-й и 37-й флотские батальоны расформировали, а их личный состав пошел на укомплектование морских батальонов.

Всего к 13 (25) сентября в сформированных из личного состава флота батальонах насчитывалось 19 штаб-офицеров, 199 обер-офицеров, 10 юнкеров, 15 кондукторов, 648 унтер-офицеров, 219 музыкантов, 8841 матрос и 25 нестроевых. Это на четверть увеличивало поредевшие в сражении на Альме войска А.С. Меншикова, которые после отхода к Севастополю расположились частично в районе Северного укрепления, а частично – южнее города. Однако Меншиков, опасаясь оказаться отрезанным в Севастополе, решил отвести армию к Бахчисараю. Противник к этому времени уже подошел к Бельбеку, так что решение русского командующего оказалось чревато столкновением с неприятелем на марше. Лишь благодаря скверной организации разведки у союзников и туману противоборствующие стороны не встретились и разошлись в непосредственной близости друг от друга.

Коммуникационные линии, связывавшие русскую армию в Крыму с центром России удалось сохранить, но положение Севастополя еще более осложнилось. Гарнизон, включая моряков, насчитывал около 16 тыс. человек и, учитывая соотношение сил, вполне логичным оказывалось предположение, что противник попытается овладеть Севастополем с ходу. Положение защитников города осложнялось еще и тем, что единое командование практически отсутствовало. Начальником гарнизона был генерал-лейтенант Ф.Ф. Моллер, командиром порта и военным губернатором – вице-адмирал М.Н. Станюкович, но ни тот, ни другой оказались неспособны возглавить оборону. Всю ответственность за ее организацию, как известно, приняли на себя вице-адмиралы В.А. Корнилов и П.С. Нахимов.

Казалось наиболее вероятным, что враг нанесет удар по Северной стороне. Ее оборону принял на себя В.А. Корнилов, здесь в первую очередь возводились укрепления, на этом направлении сконцентрировалась основная часть сформированных из моряков батальонов. Оборону Южной стороны, угроза которой, как тогда казалось, была меньшей, возглавил вице-адмирал П.С. Нахимов. Однако союзники не проявили решительности. Явно преувеличивая силу спешно возведенных на Северной стороне укреплений, они, предприняв

фланговый марш, вышли на южные подступы к городу и начали затянувшуюся довольно надолго подготовку к атаке. Для защитников Севастополя это оказалось подарком судьбы. Спешные фортификационные работы развернулись теперь на южных окраинах города. В них участвовали все – солдаты гарнизона, моряки, жители города. При этом пришлось преодолевать невероятные трудности. Выявилась острая нехватка шанцевого инструмента, в частности было очень мало железных лопат. Твердый, каменистый грунт разбивали кирками, а потом сгребали деревянными лопатами. Читатель может себе представить этот адский труд.

Памятниками участия моряков в оборонительном строительстве стали названия многих севастопольских укреплений: Парижская, Двенадцатиапостольская (обе на Северной стороне) и Святославская батареи, Чесменский, Ростиславский и Язоновский редуты получили названия кораблей, команды которых их возводили. На Южную сторону перевели морские батальоны, возводимые укрепления вооружались снятыми с кораблей орудиями, прислуга которых также состояла из моряков. Для усиления обороны из оставшегося на кораблях личного состава спешно сформировали два сводных батальона: 1-й – из команд «Парижа», «Гавриила», «Чесмы», «Храброго» и «Ростислава» и 2-й – из команд «Двенадцати Апостолов», «Великого князя Константина», «Императрицы Марии» и «Святослава».

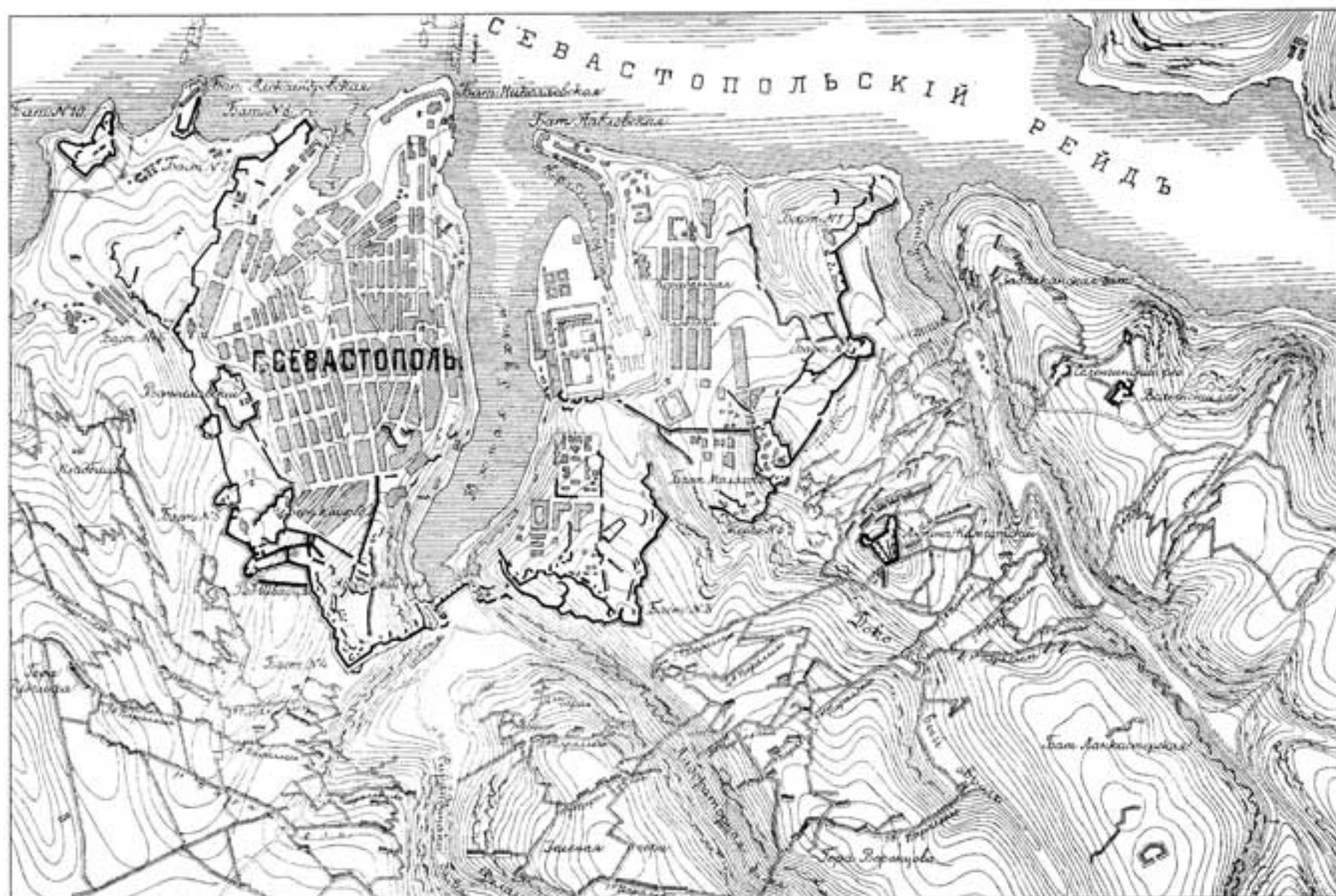
На 14 (26) сентября 1854 г. войска на южных подступах к Севастополю имели

следующую диспозицию: на участке от батареи № 5 (берег Карантинной бухты) до 5-го бастиона – шесть пехотных батальонов. Прислуга у орудий состояла из личного состава рабочих экипажей и команды фрегата «Месемврия». На участке от 5-го до 3-го бастиона находились 29, 32, 34, 44, 45-й флотские батальоны, Сизопольско-Флорский батальон, 1-й и 2-й сводные морские батальоны. Орудийная прислуга – матросы лабораторной роты № 2, 4-го ластового экипажа, команды фрегата «Кагул». Участок от 3-го бастиона до Северной бухты обороняли 1, 2, 3-й и 4-й десантные батальоны, 4-й и 5-й морские батальоны. Орудийную прислугу составляли чины лабораторной роты № 2, 4-го ластового экипажа и моряки с фрегата «Мидия».

Созданные в момент, когда нападение на город могло произойти в ближайшие дни, морские и флотские батальоны являлись импровизированными, временными формированиями. В них оказались соединены офицеры и матросы разных экипажей, что вызывало много неудобств. Поэтому когда выяснилось, что штурм города в ближайшие дни не будет, по инициативе В.А. Корнилова батальоны были расформированы и воссозданы экипажи, которым возвратили знаменные флаги, с момента создания батальонов хранившиеся на пароходофрегате «Владимир». Приказ об этом появился 30 сентября (12 октября) 1854 г. К этому времени линия обороны подразделялась на четыре дистанции. Первая из них проходила от батареи №10 (у моря) до редута №1 (редута Шварца) и включала 7, 6-й и 5-й бастионы. Начальник дистанции – генерал-май-

ор А.О. Асланович, позднее его сменил капитан 1 ранга А.А. Зарин. Вторая дистанция от редута Шварца тянулась к оконечности Южной бухты и включала 4-й бастион и примыкающие к нему укрепления. Первым ее начальником стал вице-адмирал Ф.М. Новосильский. Третья дистанция, которой сначала командовал контр-адмирал А.И. Панфилов, затем – капитан 1 ранга П.А. Перелешин, от оконечности Южной бухты шла до Докового оврага. Здесь находился 3-й бастион с примыкающими укреплениями. Четвертая дистанция – от Докового оврага до берега Северной бухты в районе Килебалочной бухты. Ей первоначально командовал контр-адмирал В.И. Истомин, после его гибели – капитан 1 ранга Н. Ф. Юрковский, а затем капитан 1 ранга Ф. С. Керн. Дистанция включала укрепления Малахова кургана, 1-й и 2-й бастионы.

Нумерация дистанций шла с запада на восток, от моря в глубь Северной бухты. Нумерация бастионов – в обратном порядке. Что касается редутов и батарей, то им присваивали номера в порядке очередности их возведения. Впрочем, они больше были известны по именам своих строителей или первых командиров, а также по названиям кораблей или полков, личный состав которых возводил эти укрепления. Некоторые из этих названий уже приводились. Упомянем еще батарею № 20 Шихматова, названную в честь ее командира капитан-лейтенанта князя И.В. Ширинского-Шихматова, батарею № 23 Лазарева – в честь лейтенанта К. А. Лазарева, батарею № 53 Нарбута – по имени лейтенанта Ф.Ф. Нарбута. Характерно, что всеми севастопольскими ба-

Батарея на Малаховом кургане.

Батарея 3-го бастиона

Доки на Корабельной стороне

Фотографии сделаны французами через несколько дней после штурма

стионами командовали моряки. Первым командиром 1-го бастиона был капитан-лейтенант В.К. Орлов, 2-го – капитан-лейтенант А.В. Ершов, 3-го – капитан 2 ранга К.Е. Попандопуло, 4-го – капитан-лейтенант А.И. Завадский, 5-го – капитан-лейтенант Д.В. Ильинский, 6-го – капитан-лейтенант Н.И. Гусаков, 7-го – капитан-лейтенант Н.Л. Щеглов.

По состоянию на 30 сентября (12 октября) на первой дистанции находился 33-й флотский экипаж с присоединенной к нему командой фрегата «Флора» 43-го флотского экипажа, на второй дистанции – 29, 32, 34-й и 37-й флотские экипажи, на третьей дистанции – 38, 40, 41-й и 45-й флотские экипажи, на четвертой дистанции – 35, 36, 39-й и 44-й флотские экипажи. 30-й экипаж находился на

1285 – армейскими артиллеристами гарнизонной артиллерии и 391 человек – офицерами и солдатами полевой артиллерии. К этому времени против осадных батарей союзников действовали 466 орудий, еще 532 предназначались для ведения огня по ближним подступам к крепости. К июлю число орудий в крепости возросло до 1174.

Впрочем, черноморцы продолжали активно действовать и в пехотном строю. В ночных вылазках, широко использовавшихся защитниками главной базы флота, часто участвовало от нескольких десятков до нескольких сотен моряков.

Рассказ о ходе боевых действий не входит в задачу автора. Однако необходимо отметить, что в ходе обороны Севастопо-

корабле «Ягудиил» в глубине Южной бухты, 31-й и 42-й флотские экипажи остались для обороны Северной стороны. Из черноморских флотских экипажей 43-й оказался единственным, большая часть личного состава которого не принимала участия в защите Севастополя, поскольку во главе с командиром находилась в Николаеве, где велось строительство приписанного к экипажу корабля «Босфор». Однако и из этого экипажа часть моряков сражалась на суше в составе команды фрегата «Флора», часть – на прославившемся своими успешными бомбардировками позиций союзников парусофрегате «Одесса».

Матросы, назначенные на сухопутные батареи, оставались при своих орудиях. После возвращения в Севастополь армии А.С. Меншикова и по мере совершенствования укреплений города, увеличения числа батарей и усиления их артиллерии, моряки стали использоваться преимущественно в качестве орудийной прислуги. К 28 марта (9 апреля) 1855 г. из 10.562 человек орудийной прислуги 8886 были моряками,

для личный состав флота понес тяжелые потери. По данным «Памятной книжки морского ведомства на 1856 г.», общие потери Черноморского флота в Севастополе составили убитыми: три адмирала, 19 штаб-офицеров, 87 обер-офицеров, 3776 унтер-офицеров и матросов. Ранения получили три адмирала, 94 штаб-офицера, 636 обер-офицеров, 13.094 унтер-офицера и матроса.

Из кораблей и судов Черноморского флота активное участие в обороне Севастополя принимали преимущественно пароходы и парусофрегаты, которые систематически обстреливали позиции противника и вели контрбатарейную борьбу. Линейные корабли к стрельбе по берегу привлекались эпизодически. Боеспособность кораблей и судов (за исключением паровых) после того, как на берег сошла основная часть личного состава и существенно уменьшилось число орудий, была весьма ограниченной. Так, на 120-пушечном «Париже» в январе 1854 г. оставалось 82 орудия и 214 человек команды из положенных по штату почти 1000, на однотипном «Великом князе Константине» – 90 орудий и 337 человек команды. С другой стороны, эти цифры говорят о том, что все же предпринимались усилия по сохранению кораблей на будущее. Тем не менее, судьба их была печальной.

Уже 5 (17) ноября 1854 г. корабль «Гавриил» затопили на месте разбитого штормом корабля «Силистрия». Но осенние и зимние шторма продолжали крушить затопленные у входа в бухту корабли, встал вопрос о создании новой преграды для защиты от возможного прорыва флота противника. 13 (25) февраля 1855 г. между Николаевской и Михайловской батареями легли на дно корабли «Ростислав», «Святослав», «Двенадцать Апостолов», фрегаты «Месемврия» и «Кагул», а 16 (28) февраля фрегат «Мидия». Надо сказать, что все они, кроме «Ростислава», с декабря 1854 г. использовались в качестве временных госпиталей и находились в небоеспособном состоянии. Фрегат «Коварна» сгорел во время бомбардировки Севастополя 26 августа (7 сентября) 1855 г. Остальные корабли и парусные суда были потоплены своими командами 28 августа (9 сентября), в день оставления русскими войсками Севастополя. Спустя сутки настал черед пароходов и парусофрегатов...

Гибель красоты и гордости Черноморского флота, его прекрасных парусников, достигших ко времени Крымской войны наивысшего совершенства, совпала с закатом эры парусного судостроения. На смену парусам и дереву шли пар и броня. «Последние из могикан» Черноморского флота, линейные корабли «Босфор» (переименованный в «Синоп») и «Цесаревич» вошли в строй в конце 1858 г., но на Черном море по условиям Парижского мира оставаться не могли и к лету следующего года под парусами перешли на Балтику, где на них установили котлы, машины и винтовые движители. Плавали они недолго, после 1861 г. не покидали Кронштадт, но оставались в составе флота до 1874 г. Им на смену шли совсем другие корабли.